

Ханс Кристиан АНДЕРСЕН:

«...ПРЕКРАСНЕЙШИЙ ПРАЗДНИК В МОЕЙ ЖИЗНИ»

2 апреля все мы с вами отметили 175-летие со дня рождения Ханса Кристиана Андерсена...

Невозможно сказать, сколько людей нашей планеты читало книги этого великого сына Дании. С тех пор, как с середины XIX века их начали переводить на западноевропейские языки, на русский, а затем и в Китае, Японии, Персии, за океаном, вряд ли можно представить себе читающего человека, не знавшего бы имени Ханса Кристиана Андерсена.

Это факт: можно больше или меньше любить того или иного замечательного писателя, даже у самых признанных авторов находят как бесконечно преданные поклонники, так и взыскательные или предубежденные критики, но всех их объединяет преклонение и восхищение некоторыми именами-абсолютами. И среди этих авторов, написавших бессмертные шедевры, признанные всеми, имя Х. К. Андерсена — одно из самых славных.

Он, бесконечно любивший каждое дитя человеческое и умевший каждому воздать по заслугам с доброй улыбкой, он, которому за эту нежнейшую любовь ответили верностью и искренней благодарностью миллионы его потомков, он имел право сказать, уходя: «Нужно много выстрадать, прежде чем чего-то добиться!»

Поражает скромность этого человека. Даже когда ему оказывали почести, можно сказать, неслыханные для Дании, он, подобно газетному хроникеру, подробно отмечает, кто и в каком порядке выступает, кто присылает телеграммы, куда он приглашен. В день своего величайшего торжества он не возносился, гордыня ему чужда. Великий, нежный, трогательный, страдающий и сомневающийся в себе в день своего триумфа — таким предстает перед нами сказочник и поэт в отрывке из книги его воспоминаний, предлагаемом читателям «Литературной России».

ДАВНИШНЕЕ пророчество, сделанное мне, бедному ребенку, покидавшему родной город, что однажды Оденсе будет иллюминирован в мою честь, исполнилось самым чудесным образом. В конце ноября я получил в Копенгагене следующее послание от городских властей, датированное 23 сентября 1867 года:

«Сим мы имеем честь известить Вашу милость от имени городских властей города Оденсе об избрании Вас почетным гражданином родного города и осмеливаемся пригласить Вас в Оденсе в пятницу, 6 декабря, в который день нам желательно вручить Вам грамоту почетного гражданина».

Я ответил на это: «Вчера вечером я получил послание уважаемых городских властей и спешу выразить им мою глубокую благодарность. Мой родной город выразил мне через Вас, господа, свою признательность и оказал мне честь столь большую, что я о ней никогда и мечтать не смею».

Утекло сорок восемь лет с той поры, как я, бедный мальчик, оставил свой родной город, и сейчас, обогатившись счастливыми воспоминаниями, я буду принят в отчем доме как любимое дитя. Вы поймете мои чувства. Я чувствую себя приподнято, но это не от тщеславия, а от благодарности богу за тяжкие часы испытаний и за те многие благословенные дни, что были мне дарованы...

Я радуюсь тому, что, если бог даст мне здоровья, мы встретимся в этот день, 6 декабря, с моими благодарными друзьями в дорогом мне родном городе. С благодарностью, преданный Вам

Х. К. Андерсен.

Четвертого декабря я прибыл в Оденсе. Погода до того стояла холодная, ветреная, поэтому я был сильно простужен, и вдобавок меня мучила зубная боль. А в день приезда светило солнце, день выдался на редкость погожий.

И вот настал знаменательный день 6 декабря, прекраснейший праздник в моей жизни. Ночь накануне я провел без сна, будучи чрезмерно возбужден ду-

шой и телом; болели грудь и зубы. Словно кто-то заставлял меня вспомнить: и в самый светлый свой час ты всего лишь дитя преходящего времени, червь во прахе. Я ощущал это не только из-за телесных страданий, всю душу мою объяло смирение...

Утром 6 декабря я услышал, что город в праздничном убранстве, что все школы закрыты, ибо этот день, день моего праздника, должен стать праздником для всех. Душа моя осветилась и изнутри, я познал каждую свою слабость, каждую ошибку и всякую грешную мысль в словах моих и делах. Все предстало поразительно ясным в моей душе, словно то был судный день и вместе с тем день чести. Богу должно быть известно, сколь ничтожным я ощущал себя, когда люди таким образом отметили меня, оказали подобные почести.

Позднее, около полудня, за мной заехали полицейский, государственный советник Кох и бургомистр, советник юстиции Мурье, чтобы отвезти меня в ратушу, где предполагалось вручить мне грамоту почетного гражданина города. Почти над каждым домом на улицах, по которым мы проезжали, реял датский национальный флаг. А на тротуарах было полно прохожих, горожан и крестьян. Я слышал крики «ура!». Перед ратушей стоял оркестр, в торжественном марше прошел отряд бюргеров — городского ополчения, исполнялись мелодии песен на мои слова, например: «Люблю тебя, моя Дания, родина моя». Я был потрясен, и каждый поймет, почему я сказал сопровождавшим меня господам: «Что же должно быть на душе у человека, представляющего перед всевышним... Мне кажется, я испытываю сейчас сходные чувства».

Зал был полон. Празднично одетые господа и дамы, чиновники в мундирах, священнослужители в подобающем моменту облачении, горожане и крестьяне.

От имени городского совета бургомистр объявил, по какому случаю все собрались здесь, и обратился ко мне со словами приветствия. Он передал мне диплом и провозгласил здравицу в мою честь, на что собрав-

шиеся ответили громкими приветственными криками.

В ответ я произнес примерно следующее: «Огромная честь, оказанная мне родным городом, потрясла и возвысила меня. Я невольно вспомнил об Аладдине — воздвигнув с помощью волшебной лампы свой изумительный дворец, он приблизился к окну и проговорил: «Вон там, внизу, я бегал мальчишкой-бедняком». И мне бог даровал такую лампу духа, поэзию, и если она зажжена ныне над нашей страной, если кто-то радуется ей и признает ее, если говорят, что она светит из Дании, сердце мое сжимается от радости. Я знаю, что на родине у меня есть участливые друзья, они наверняка есть и в городе, где стояла моя колыбель. И сегодня этот город оказывает мне столь воодушевляющий знак внимания, честь столь невероятных размеров, что я, тронутый донельзя, только и могу, что выразить свою сердечную благодарность».

Я был близок к обмороку, так я был потрясен. Лишь на обратном пути в резиденцию епископа глаза мои были в состоянии воспринимать радостные лица приветствовавших нас друзей. Я слышал торжественные возгласы, видел развевающиеся знамена, но сердце мое трепетало от мысли: что скажут люди в стране, узнав об устроенных в мою честь празднествах? Что напишут в газетах? Я чувствовал, что в состоянии примириться с любым замечанием о том, что торжества эти излишне пышны; но я не перенес бы, если бы мой родной город осудил за то, что в честь меня был устроен праздник. И поэтому — признаюсь чистосердечно — я испытал бесконечную радость, когда все газеты, большие и малые, прочувствованно сообщили об оказанных мне родным городом почестях. Сразу же по прибытии в резиденцию епископа я прочел первый отклик в одной из крупнейших газет Копенгагена, прибывшей со срочной почтой. Меня сердечно поздравляли, а городу воздали хвалу. Это меня утешило, вернуло покой душе и способность участвовать в событиях, представших мне еще в тот день. «Дагбладет» от 6 декабря писала: «У государственного советника Х. К. Андерсена сегодня радостный, славный день — в Оденсе ему вручают диплом почетного граж-

данина города. В нашей стране не часто кому-нибудь оказывают подобную честь, но город Оденсе имел все основания подобным образом воздать сыну бедного подмастерья-ремесленника, который, оставив свой город, создал себе имя, с почтением произносимое далеко за пределами родины, и возвеличил тем самым страну и город, в котором родился».

Более спокойный, нежели в полдень, ехал я вместе с членами праздничного комитета в ратушу, где состоялся торжественный обед. Лишь тогда я заметил все богатое убранство здания. Музыканты играли мелодии песен на мои слова.

В зале ратуши стоял мой бюст с надписями: «2 апреля 1805 года» (день моего рождения), «4 сентября 1819 года» (день, когда я покинул Оденсе) и «6 декабря 1867 года». Присутствовали 250 человек, представлявших все слои населения города. После тоста в честь короля, произнесенного бургомистром, в мою честь спели песню, в основу которой был положен мой «Гадкий утенок».

Затем оптовый торговец В. Патерсен обратился ко мне со следующими словами: «Примерно пятьдесят лет назад бедный мальчик ушел из родного города, чтобы начать борьбу с жизнью. Его уход отсюда был незаметен для всех, кроме двух женщин, его матери и бабушки, проводивших его немного и давших ему свое благословение и добрые пожелания на дорогу. Он пришел в столицу, где ему нужно было и пришлось бороться за свои цели. Поначалу он был совершенно одинок в большом городе, без друзей и родственников; но он вступил в борьбу, обладая для этого двумя крепкими опорами: верой в предназначение и верой в собственные силы. Он познал все тяготы и горечь этой борьбы, приходилось отказывать себе в самом необходимом. Но сильная воля вела его вперед, и именно эта борьба родила его чудесную фантазию, со всем ее богатством и высотой полета. Мальчик стал мужчиной, который стоит сегодня среди нас, и имя его в эти дни у всех на устах. Борьба привела его к победе, почести ему воздают короли и князья, но что еще важнее — его уважают и почитают все его сограждане».

От имени всех граждан оратор поблагодарил меня за все, что я подарил моей родине, и за то, что я никогда не забывал, что моя колыбель стояла в этом городе. Речь вызвала восторженные возгласы, и я был очень растроган, когда поднялся со словами благодарности.

Мне невольно вспомнились дни моего детства и события того времени. А с этим залом у меня были связаны три эпизода. Первый — это когда я мальчишкой пробрался сюда, в кабинет восковых фигур, чтобы увидеть изображения самых знаменитых людей в мире, королей и князей. В другой раз мне довелось присутствовать здесь на празднике в честь дня рождения короля; старый городской музыкант провел меня с собой, и с оркестрового балкона я смотрел вниз, на танцующих, и многих из них узнавал. А третий эпизод связан с сегодняшним днем, когда сам я — почетный гость в этом зале, где меня приветствуют с такой небывалой сердечностью. Все это для меня как бы сказка, которая учит меня, что самая прекрасная сказка — это все-таки жизнь.

Двойной квартет спел мою песню «Я в Дании родился, там родина моя». Епископ Ангельшторф провозгласил здравицу в честь Дании. Советник Кох в шуточной речи воздал дань признания «моей жене», жившей лишь в моей фантазии поэта, но создавшей всем рай на всю земную жизнь. Я поблагодарил за эти слова и напомнил о старинном обычае украшать кубки венками из цветов. Вот так же и мне, сказал я, хотелось бы украсить мой кубок венком, на листьях которого написаны имена всех тех достойнейших женщин, что собрались здесь. Полковник Ваупель с юмором говорил о «моих детях»... Перед концом обеда я снова поднялся и сравнил свою жизнь со зданием... Теперь я мог сказать, что дом построен, а следовательно, тоже должен быть украшен венком. Пусть же мой венок будет благодарностью Оденсе, в котором, как я вижу, расцветает не только материальное, но и все доброе и прекрасное...

После праздничного обеда должен был состояться бал, и вскоре после того, как мы поднялись из-за стола, начала стекаться молодежь. Но прежде посреди зала поставили кресло с высокой спинкой, и ко мне парами подходили дети, танцевали в кругу и дропали для меня пенку...

Во время праздничного обеда на мое имя пришло много поздравительных телеграмм. Я смог убедиться, что вся страна разделяет мою радость, и это меня утешило. Вот первая телеграмма, от союза студентов, воистину порадовавшая меня: «Студенческий союз шлет свой привет Х. К. Андерсену в день его торжества с благодарностью за прошлое и наилучшими пожеланиями на будущее». Затем пришли еще телеграммы от частного объединения студентов из Копенгагена, от союза ремесленников и промышленников из Слагельзе... Телеграммы, телеграммы... Одна из них — от короля — была зачитана вслух: «Примите искренние поздравления по поводу чести, оказанной Вам гражданами родного города. От меня и моей семьи. Король Христиан».

Как же я был счастлив! И все же человек не должен возвыситься чересчур высоко. Мне пришлось убедиться, что я всего лишь бедный человек, зависший от превратностей быстротекущей жизни. Я страдал от невыносимой зубной боли, которая только усугублялась жарой в зале и моими душевными переживаниями, и это до размеров труднопредставимых.

Все же я прочел моим маленьким друзьям сказку. Тем временем на площади перед ратушей собрались депутаты от различных слоев городского населения, с факелами и развешивавшимися знаменами. Так я смог воочию убедиться, что сбывается предсказание старой женщины: в один прекрасный день Оденсе будет — да в мою честь иллюминирован. Я подошел к открытому окну. Все было ярко освещено факелами, площадь переполнена народом. До меня доносились звуки песни; душа моя была переполнена, а тело страдало. И я не смог насладиться этим высшим моментом своего торжества, как того хотелось бы. Страшно болели зубы, теперь эту боль усиливала ледяная воздушная влившаяся в окно, перед которым я стоял, и вместо того, чтобы наслаждаться сладостью этих минут — а они никогда не вернутся, — я смотрел на печальный текст песни, чтобы узнать, сколько строк им еще осталось спеть и когда я избавлюсь от мук, причиняемых холодным воздухом моим зубам.

Боль достигла своего апогея. Но когда угас огонь факелов — их все побросали в одну кучу, умерла и моя боль...

На другое утро ко мне пришло множество посетителей, особенно запомнилась мне одна вдова, которая в детстве недолгое время столовалась у моих родителей; она плакала, радуясь тому счастью, что я обрел в жизни, и рассказывала мне, что была вчера во время факельно-

Дом в Оденсе, в котором родился Х. К. Андерсен.

...ди и все ви-
... все равно
что для короля», — сказала она.

Она вспомнила о моих родителях и обо мне, совсем еще маленьком, она говорила об этом со стоявшими рядом людьми и даже расплакалась при этом, и другие тоже, радуясь тому, что сын бедняков добился того, что его чествуют как короля.

Вечером в доме епископа собралось большое общество, никак не меньше нескольких сот человек. Я читал сказки, потом молодежь танцевала.

...В день накануне отъезда происходил ежегодный праздник «Дома Лаана». Здесь воспитывались на полном пансионе бедные дети обоего пола. Я был среди приглашенных. Зал был полон детей и их матерей. В

произнесенной речи оратор несколько раз обращался к опыту моей жизни. Портрет Лаана, обрамленный цветами, висел на стене.

Может возникнуть вопрос: кто такой Лаан? Он родился в Оденсе. Бедняцкое детство, потом учение; стал перчаточником и отправился за границу для сбыта своих изделий. Оказался в конце концов в Гамбурге, где вскорости перчатки Лаана из Оденсе стали очень ходким товаром. Дело быстро пошло в гору, он разбогател и построил дом в Оденсе на Недергад. Всю жизнь прожил холостяком, занимался благотворительностью и перед смертью основал заведение, где детей бедняков одевали и воспитывали, завещав ему все свое большое состояние. На

кладбище в Оденсе, где он похоронен, надпись на надгробном камне гласит: «Здесь покоится Лаан, поставивший себе памятник на Недергад». На стене в большом зале рядом с портретом Лаана висит еще один портрет — портрет старой женщины. Она много лет продавала на улицах Оденсе яблоки и сравнительно недавно умерла. Свое детство, до конфирмации, она провела в «Доме Лаана». Она прожила трудную жизнь, но, несмотря на все тяготы, скопила несколько сот рейхсталеров, завещав их после смерти «Дому». Поэтому ее портрет висит на стене рядом с портретом учредителя заведения.

Способный молодой человек, школьный инспектор пастор Мёллер, упомянув в своей речи

трудолюбивейших мужчин и женщин Дании, продолжал: «Вам всем известно, какой повод для празднеств был у нас в последние дни, вы видели, как в нашем городе приветствовали и воздавали честь человеку, который сидел на такой же бедняцкой школьной скамье, как и вы. И сегодня он среди нас».

Я видел, как повлажнили глаза слушателей. Когда я обратился к собравшимся, многие матери протягивали ко мне руки, и, несмотря на некоторую удаленность, до меня доносились их голоса: «Пусть господь благословит и воздаст вам».

То был праздник памяти Лаана, но и благословеннейший праздник для меня. Я чувствовал себя так, словно один солнечный луч за другим пронизы-

вают мое сердце, которое уже не в силах вместить уготованное ему счастье.

Настал день отъезда, 11 декабря. Люди стекались к вокзалу, дамы дарили мне цветы. Подошел мой поезд, он стоял очень недолго, и бургомистр успел сказать несколько слов на прощание, и я ему ответил...

Когда я удалялся в поезде от моего родного города, дни праздника казались мне чем-то вроде сна. Лишь теперь, сидя в одиночестве в поезде, я мысленно перебирал сцену за сценой, все те почести, радости и поразительные встречи, что были дарованы мне богом. Я пережил все самое чудесное и величайшее, что мог пережить...

С датского.

Перевод С. СМЕРНОВОЙ